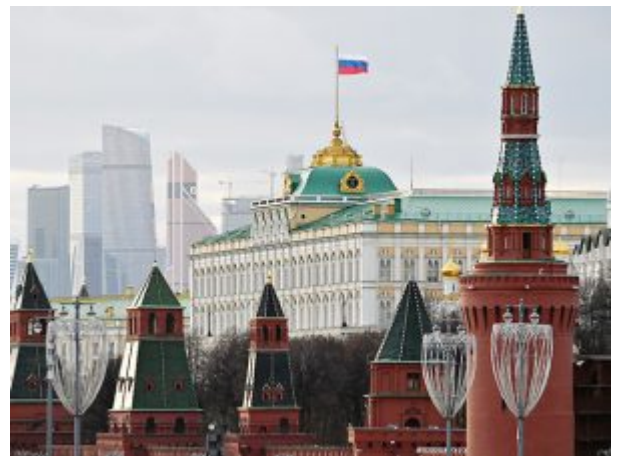

Приглашение к диалогу

Владимир Путин в очередной раз пытается начать разговор о государственной или национальной идеологии России. И вбрасывает формулу: «Величие России, достоинство граждан». В связи с этим возникают два вопроса. Первый – нужна ли России идеология вообще? Насколько в наше время актуально стране иметь более или менее четко сформулированную идейную базу? И второй – подходит ли формула, предложенная президентом, как ядро этой идеологии?

Кажется, что в мире постмодерна и глобализации наличие государственной или национальной идеологии является лишним. Она якобы не может вдохновлять граждан и элиты, а является, скорее, сковывающим свободу и потому отрицаемым элементом политики. Однако такой взгляд на идеологию сам по себе является наследием сначала Второй мировой, а потом «холодной войны» и распространяется прежде всего на те страны, которые войны проиграли. Это Германия, Япония, а что касается «холодной войны», весь СССР и прежде всего Россия. Впрочем, если задаться вопросом, кому не рекомендуется идеология сейчас, то почти наверняка она будет нежелательна для Ирана, Сирии и прочих стран, которых США считают своими идеологическими противниками.

Между тем мы не можем не замечать, что те страны, которые являются или стремятся быть активными игроками мировой политики, стать центрами сил для мира или для больших регионов – сами США, Китай, Турция, тот же Иран, безусловно, имеют выраженную идеологию. В этом смысле призыв оппозиции отказаться от идеологии как устаревшего оружия является последствием признания нашего (СССР) поражения в «холодной войне» и похож на запрет иметь вооруженные силы после

поражения. Однако последствия «холодной войны» можно считать отыгранными. Прошлым является уже даже сам постмодерн, отрицающий идеологию как инструмент политики. Очень многие страны в мире ищут и публично формулируют свои идентичности. На пороге неоконсерватизм, который станет идейной опорой стран, ищущих суверенитета. В центре неоконсерватизма лежит идея воли быть таким, каким ты считаешь нужным быть.

Если подходить к государственной или национальной идеологии совсем практически и безотносительно к внешнему противостоянию, то надо сказать, что без этого инструмента нельзя вести ни одну из так называемых soft-политик. Нельзя системно заниматься образованием, культурой, гуманитарными науками, правом (и это ярко проявляется сейчас при обсуждении Конституции России). Я не имею в виду, что идеология должна тотально давить на эти сферы. Мы можем признать своей ценностью вариативность, тягу к соединению противоречивого, синкретизм, поликультурность. Но что-то мы должны признать. Это эхом отразится на нашем образовании, культуре, праве, науке. И этого отражения нам давно уже не хватает.

Здесь уместно задаться вопросом – почему за тридцать лет, прошедших после развала СССР и демократической революции в России, мы не смогли сформулировать национальную или государственную идеологию? Ведь, например, большевики начали идеологическую работу во всех soft-сферах года через три-четыре после революции 1917-го. А революционеры 90-х даже не предприняли таких попыток.

Первый ответ в том, что большевики имели под собой огромную разветвленную и в то же время касающуюся фундаментальных сущностей идейную базу и очень масштабное целеполагание. Тут тебе и идеи равенства, и власти народа против власти монарха, и обобществление собственности, и мировой интернационал. Каждая мысль – мощнейшая. В результате и лозунги: «Вся власть Советам», «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей России», «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», и образовательная политика, и расцвет культуры

(кто «за», кто «против», но расцвет), и колоссальный экономический рывок, и в итоге восстановление империи. Да, страна, построенная на этой идеологии, в конце концов проиграла, но сколько она совершила.

Революция 90-х, если и имела идеологию, то только от противного и по западному подобию. Разрушить советский строй, раскрепостить индивидуальные свободы, создать любой ценой и быстро рыночную экономику, чтобы возникли условия для всепобеждающей конкуренции, открыть рынок, чтобы потреблять как в Европе. Отсюда и лозунги: «Берите суверенитета сколько можете!», «Хотите жить как в Европе – голосуйте за СПС», «Зачем нам что-то производить самим, если все можно купить на мировом рынке». Да, наше поколение чаяло расцвета индивидуализма, частной жизни, мы мечтали попробовать себя в конкуренции, нам привлекательной казалась демократия. Но эти ценности оказались недостаточно мощными для того, чтобы построить стройную идеологию. Причиной слабости этого стали потери, которые несла наша страна в результате революции 90-х. Если считать Россию правопреемницей СССР, то мы потеряли 40% населения, 30% территории, огромную зону влияния в Европе и Латинской Америке, приблизили стратегическую линию обороны от НАТО в среднем на 800 км.

Кажется, что самым дальновидным из революционеров-реформаторов достаточно быстро стало ясно, что предложенный концепт вполне может привести к распаду уже не СССР, а России. Что ценности индивидуализма оказались неравны размеру понесенных потерь. Что существует нечто более важное «чем жить как в Европе». Что наша идентичность, а с ней и наш суверенитет «трещит по швам».

В науке о мозге есть такое понятие – рептильный мозг человека. Это не плохой мозг, а тот, который отвечает за инстинктивные решения и поступки. Он как бы наша первичная сущность. Так вот, на уровне рептильного мозга Россия почувствовала предельную опасность и стала восстанавливать государственность, так и не разобравшись с тем, что она захотела в начале 90-х. Вскользь, примерно в 2003-2004 годах,

один из самых ярких реформаторов Анатолий Чубайс предложил концепцию «либеральной империи». Как мне кажется, он почувствовал, что наша глубинная мечта в соединении ранее несоединимого – либеральной, а точнее, демократической идеи и имперской территории. Впрочем, бог его знает, что он почувствовал. Тема в то время развита не была.

Двадцать лет ушло на спасение имперского размаха России. Присоединение Крыма, удачная операция в Сирии этот процесс вчерне завершили. Наш рептильный мозг больше не чувствует приближающейся катастрофы. Если следовать логике выдающегося теоретика нации Бенедикта Андерсона, то мы обрели свое основополагающее свойство – ясное понимание границ. Границ, которые надо защищать любой ценой. Границ, в пределах которых нация должна чувствовать себя в безопасности. Без этого чувства нации не существует. И опыт иных стран показывает, что это очень важное чувство. Я хорошо запомнила разговор (в 2000-х) с бывшим югославом, а тогда уже хорватом, который говорил: «Кому это было интересно, защищать Югославию?»

Мы не можем не замечать, что те страны, которые являются или стремятся быть активными игроками мировой политики, имеют выраженную идеологию

Однако если следовать Андерсону дальше, то он пишет, что нация держится на иррациональном чувстве общности – общей территории, общих целях, общих ресурсах, общих ценностях. О новых, выстраданных в последние 30 лет ценностях, мы и должны сейчас говорить.

Путинская формулировка о связи величия и достоинства граждан или народа, кажется, возвращает нас к центральному конфликту нашей истории, которую Петр Первый и большевики каждый решили по-своему, и в этих решениях империя оказалась важнее достоинства.

Собственно события распада СССР тоже были отражением этого конфликта. Очень грубо считается, что территория и климат России таковы, что задачи безопасности и просто поддержания

жизни на всей этой территории требуют от нации и ее участников постоянной жертвы такого размера, который сказывается на ограничении индивидуальных свобод. В 90-е такое рассуждение было главным аргументом в пользу дальнейшего распада России.

Еще один аргумент, смежный с этим, заключается в том, что Россия так много тратит на оборону своей территории, что она не смогла, у нее не хватило сил построить современную цивилизацию и добиться благосостояния всех граждан. И никогда не хватит – таков вердикт критиков России и оппозиции.

Возражение же верящих в Россию заключается в том, что мы никогда и не пытались. Вышеупомянутые политики или просто история не дали ей такой возможности.

И вот сегодня перед нами, выбравшими в 90-е демократию и ценность свободы, а в 2000-е – ценность территории и имперских границ, стоит эта задача – соединить одно и другое. Демократию и империю, суверенитет и процветание. Построить демократическую цивилизацию в имперских границах. Для этого есть политические, технологические и экономические предпосылки.

Эту американскую формулу наверняка любят наши критики. «Мы подобны городу на холме. Взоры всех народов устремлены на нас, и если мы обманем ожидания Господа в деле, за которое взялись, и он лишит нас своей милости, мы станем притчей во языцех во всем мире», – писал новым американцам Джон Уинтроп в XVII веке. Кажется, что здесь есть прямая аналогия. Мы тоже сегодня на холме, и весь мир смотрит на нас. Справится ли огромная холодная пустынная страна с тем, чтобы стать современной, динамичной, адекватной постглобальной эпохе? Сможет ли она при этом сохранить свои имперские функции контроля над территориями? Сможет ли своим личным примером вернуть всем странам-негегемонам право на национальную идентичность? Сумеет ли, наконец, предложить миру свой формат материализации культуры?

Или все-таки исчезнет?

*Татьяна Гурова,
председатель Совета директоров медиахолдинга*

RG.RU

«Эксперт»